

5-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ на Кинджоу и въ Артурѣ.

(Продолженіе ¹).

Мнѣ теперь, при обходѣ позицій, приходится и бѣгать, и скакать, какъ векшѣ, отъ траверса къ траверсу и даже ползать на четверенькахъ. Не мудрено, что я больше всѣхъ ропталъ на бездѣйствіе пашей артилеріи.

Недавно разбили нашу бочку съ водой по дорогѣ къ Дивизионной. Ну, лошадей мы съѣли, а бочка пропала безъ всякой пользы, и всѣ эти бѣды оттого, что наша артилерія позволила непріятельской ложироваться отъ насъ слишкомъ близко.

Слава Богу, что японцы не видятъ нашего штаба, а то бы уничтожили его до основанія: и случайно залетающіе снаряды приносятъ намъ немало бѣдъ, а что было бы отъ прицѣльныхъ.

Недавно японцы подняли воздушный шаръ. Нарочно лазилъ на крышу штаба, чтобы посмотрѣть, виденъ ли онъ наблюдателямъ на шарѣ.

Съ трубы я дѣйствительно увидѣлъ шаръ, но увидѣть трубы нашего дома на японскомъ шарѣ очень мудрено, поэтому мы всѣ успокоились и перестали опасаться за наше хозяйство.

Я сказалъ, что японскія сапы у Высокой двигались успѣшно; мы ломали себѣ головы надъ придумываніемъ способовъ, какъ бы задержать ихъ движеніе. Я предлагалъ сдѣлать большую вылазку.

См. «Военный Сборникъ» № 8.

Чтобы организовать ее какъ слѣдуетъ, лично снялъ мѣстность передъ Высокою, съ нанесеніемъ японскихъ и нашихъ работъ: водиль для подробнаго изученія мѣстности командира нашей 5-й роты, капитана Фофанова, предназначеннаго мною для управления этою вылазкою, но начальство большой вылазки не позволило. Пришлось довольствоваться малыми. Охотниковъ на эти вылазки у насъ вызывалось всегда множество. Особенно отличался нашъ заурядъ-прапорщикъ Макуринъ и 1-й охотничьей команды стрѣлокъ Столяровъ.

Одна изъ предпринятыхъ ими вылазокъ была исполнена блестяще. Японцы въ сапахъ и траншеяхъ были переколоты; окна изъ мѣшковъ совершенно разрушены, и взята масса шанцевого инструмента. У насъ потери были ничтожны. Но была одна, произведенная Макуринымъ, въ ночь съ 7 на 8-е октября и неудачная. Вѣроятно, японцы ее ожидали и встрѣтили нашихъ ружейнымъ огнемъ и бомбочками. У насъ были большія потери, и самъ Макуринъ получилъ тяжелую рану въ руку.

Все же вылазки были единственнымъ средствомъ противъ сапъ. Но вотъ нашлось и другое—это открытіе сдѣлано въ центрѣ нашихъ позицій мичманомъ Власевымъ. Свѣдѣніе о немъ принесли къ намъ, когда мы всѣ случайно собрались въ штабъ пить чай (въ которомъ недостатка никогда не ощущали). Рѣшили испробовать это средство и у насъ.

На другой же день втащили на Высокую 42-линейную пушку, устроили ее въ траншеѣ и пригласили, съ разрѣшенія ген. Кондратенко, мичмана Власьева на гастролі. Средство это было слѣдующее: желѣзная цилиндро-коническая бомба изъ листового желѣза, калибра приблизительно дюймовъ въ 8, въ дно ея воткнута палка толщиною въ $4\frac{1}{2}$ линій и длиною фута въ 4-ре. 42-линейная пушка заряжается небольшимъ зарядомъ пороха, и въ каналъ орудія вставляется этотъ деревянный хвостъ описаннаго выше снаряда. Затѣмъ производится выстрѣлъ, и бомба съ хвостомъ летитъ въ непріятельскую сапу. Тамъ ея 20-фунтовый пироксилиновый зарядъ взрывается и уничтожаетъ всѣ непріятельскія работы вмѣстѣ съ рабочими. Занимались этой стрѣльбой мичманъ Власевъ и капитанъ Гобято (артиллеристъ). Нѣсколько первыхъ выстрѣловъ были неудачны; хвостовая палка раскалывалась или ломалась, и бомба не попадала, куда нужно. Но страхъ она на японцевъ все-таки наводила ужасный. Впослѣдствіи была достигнута значительная мѣткость, и бомбы очень нерѣдко попадали въ самыя траншеи.

Къ будущимъ войпамъ въ крѣпостяхъ нужно заготовить болѣе совершенныя средства для метанія 20-ти фунтовыхъ бомбъ на малыя разстоянія: тогда ближайшая атака затруднится до невозможности ее вести.

Непріятель, замѣтивши мѣсто расположенія опаснаго для него орудія, направилъ на него массу своего огня, но подбить наше орудіе ему удалось только не раньше, какъ черезъ мѣсяць и то потому, что въ обыкновенной траншеѣ его нельзя было укрыть отъ сильныхъ и навѣсно падающихъ бомбъ. Метаніе этихъ гигантскихъ хвостатыхъ снарядовъ доставляло большое развлеченіе для нашихъ стрѣлковъ. Но и непріятель не зѣвалъ, онъ также сталъ посылать къ намъ гигантскія мины, разрывъ ихъ производилъ эффектъ значительно большій, чѣмъ 11" снарядъ, но ударное ихъ дѣйствіе было слабо, и все ограничивалось страшнымъ грохотомъ и неимовернымъ количествомъ дыма.

За мѣсяць работы по укрѣпленію Высокой горы сильно подвинулись впередъ. Теперь по траншеямъ можно было свободно ходить, не рискуя разбить себѣ лобъ о перекладины блиндажей. Въ тыльной стѣнѣ траншей были устроены теплушки (землянки) для ночлега и отдыха на одну третью часть людей. Блиндажи на болѣе опасныхъ частяхъ усилены рельсами и желѣзными $\frac{1}{2}$ -дюймовыми листами, камня на нихъ наваливали около 2 аршинъ; бойницы снабдили щитками изъ $\frac{1}{2}$ дюймаго желѣза съ крестообразною прорѣзкою въ серединѣ для винтовки, и стрѣлки, перестрѣливаясь съ японцами, чувствовали себя безопасными.

Но бѣда, что непріятель началъ замѣтно усиливать по горѣ стрѣльбу 11" снарядами; одинъ изъ нихъ попалъ въ траверсъ 3-саженной толщины, развалилъ его, не смотря на то, что онъ представлялъ собою сплошную скалу, и завалилъ всѣ проходы вокругъ него. Осматривалъ это поврежденіе; работы по исправленію будетъ много: обходы вокругъ траверса мы сдѣлали въ сажень глубиною. Пострадало три стрѣлка, стоявшихъ возлѣ траверса у амбразуръ.

Спрашиваю и людей, «ну что, ребята, страшно стоять подъ такими бомбами». — «Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, только вотъ обидно, его никакъ не достанешь, а онъ палитъ... вооооо-нъ откуда» и солдатъ показалъ рукою на одну изъ вершинъ возлѣ Шипиндинскаго перевала, надъ которой показался дымокъ. Черезъ секунду надъ горой прошумѣлъ гигантскій 11" снарядъ и, ударившись гдѣ то позади, съ грохотомъ разорвался; тысячи осколковъ

загудѣли по всѣмъ направленіямъ. «Не поааа-ль, протянулъ кто то, подражая отмѣчающему выстрѣлы на учебной стрѣльбѣ.

«Вотъ васъ и поставили сюда», продолжаю я свою рѣчь, «потому что всѣмъ извѣстно, какіе вы герои... не сдадите; вы должны гордиться такимъ мнѣніемъ о васъ всего гарнизона; вездѣ въ опасныхъ мѣстахъ стоитъ 5-й полкъ».

«Мы гордимся, ваше высокородіе» былъ мнѣ дружный отвѣтъ молодцовъ стрѣлковъ.

Такъ вотъ мы и жили на позиціяхъ въ спокойное время. Но скоро оно должно было кончиться. Непріятельскія саны дошли уже до половины ската горы, а мы продолжали усиливать свои позиціи.

Проволочная сѣть теперь опоясывала всю Высокую гору. Для усиленія этой сѣти я приказалъ на нее положить засѣку. Деревья были срублены возлѣ нашего штаба и перетащены на мѣсто. Этимъ атака открытой силой дѣлалась совершенно невозможной. Редутъ и траншея на Плоской горѣ также были кончены. Заурядъ-прапорщикъ Ермаковъ и капитанъ Мазеусъ превзошли себя. Генераль Фокъ былъ какъ то на Плоской горѣ и остался очень доволенъ саперными работами, о чемъ, кажется, и оповѣстилъ начальство въ своихъ замѣткахъ.

На позиціяхъ моего отдѣла было много ротъ другихъ полковъ. Роты эти, какъ я уже говорилъ, ставились по мѣрѣ надобности и поэтому были совершенно перемѣшаны. Это обстоятельство явилось большимъ неудобствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно потому, что всякія неудачи роты сваливали другъ на друга, и виновныхъ, обыкновенно, не оказывалось.

На дѣлѣ выяснялось съ неумолимой очевидностью, что далеко не все равно, когда защищаютъ позицію четыре роты разныхъ частей, или когда это дѣлаетъ одинъ баталіонъ со своимъ командиромъ.

Въ силу этого обстоятельства приказано было весь 27-й полкъ сосредоточить на Плоской горѣ, 5-му отдать Дивизионную, Высокая должна была остаться при старыхъ, уже испытанныхъ защитникахъ: 2, 4 и 6-й роты 5-го полка при четырехъ пулеметахъ, 1 рота 28-го полка и 7-я рота 14-го полка съ поручикомъ Ваниковскимъ—люди этихъ ротъ уже привыкли къ своимъ мѣстамъ, освоились съ постоянной опасностью, и имъ не было страшно сидѣть на заоблачной вышинѣ и орлами смотрѣть на копошащагося внизу непріятели.

Мнѣ признаться въ виду уже бывшихъ опытовъ было страшно замѣнять испытанныя роты новыми. За то я организовалъ имъ отдыхъ въ штабѣ, черезъ два дня въ третій.

Промежуточная горка занималась одной ротой 25-го полка капитана Веселовскаго. Въ резервѣ у меня были роты 3-го резервнаго баталіона.

Къ ноябрю укрѣпленія всѣхъ горъ были закончены (см. карту въ «Воен. Сборникѣ» № 8). Высокая гора была гигантскимъ редутомъ съ двумя редюитами, обнесенными кругомъ проволочными сѣтями. Промежутокъ между Высокой и Фальшивой былъ закрытъ нѣсколькими рядами фугасовъ. Плоская гора вся сплошь была занята хорошо устроенной траншеей съ сильнымъ редутомъ на вершинѣ и двумя редюитами менѣе сильными на правомъ флангѣ. Дивизионная также представляла изъ себя гигантскій редутъ съ двумя ретраншаментами, огонь которыхъ былъ направленъ къ Мертвой сопкѣ, такъ какъ атака должна была идти со стороны этой горы.

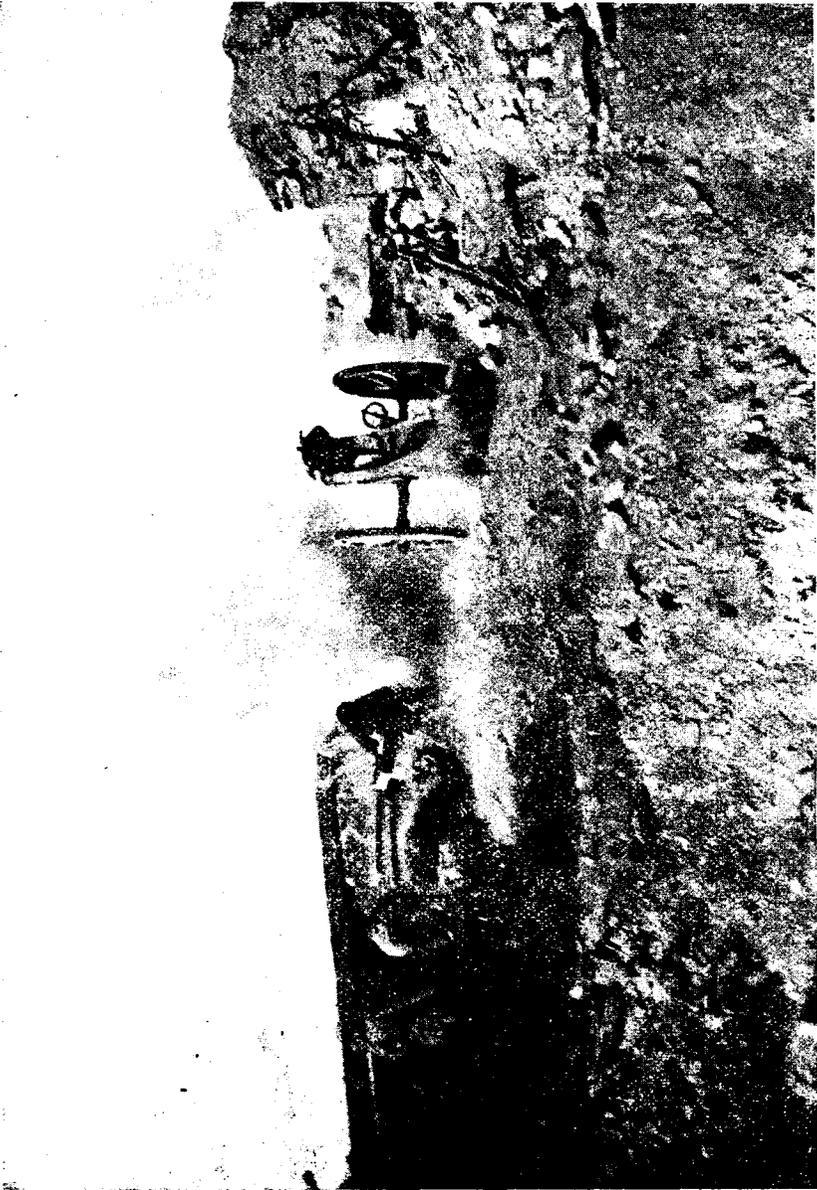
Пути сообщенія къ Плоской и Дивизионной были закрыты отъ взоровъ и безопасны отъ ружейнаго огня. Фальшивая также вся опоясалась хорошо устроенной траншеей съ укрытыми къ ней ходами сообщенія.

Обыкновенную укрѣпленную позицію представлялъ изъ себя только промежутокъ между Фальшивой сопкой и фортomъ № 5. Этотъ промежутокъ былъ занятъ только двумя ротами и четырьмя орудіями малаго калибра. Всѣ горы могли обороняться совершенно самостоятельно и могли, въ случаѣ нужды, быть поддержаны мною съ общимъ резервомъ изъ двухъ или трехъ ротъ.

Теперь люди на позиціяхъ жили съ большимъ комфортомъ, чѣмъ прежде. Всѣ на ночь могли помѣщаться въ крытыхъ и удобныхъ землянкахъ.

У всѣхъ были хорошо устроенныя кухни. На Плоской горѣ была даже баня. Люди поочереди отдыхали въ безопасныхъ мѣстахъ. Но пища была страшно однообразна: масла совсѣмъ не было и говядины также. Куда это берегли артилерійскихъ лошадей?... У насъ еще ничего. Мы часто ѣли убитыхъ на позиціи муловъ и лошадей, но въ другихъ полкахъ этого не было, и люди начали сильно болѣть цынгой. Вотъ гдѣ къ намъ подкрадывалась большая бѣда; эта проклятая болѣзнь богатырей валила въ могилу.

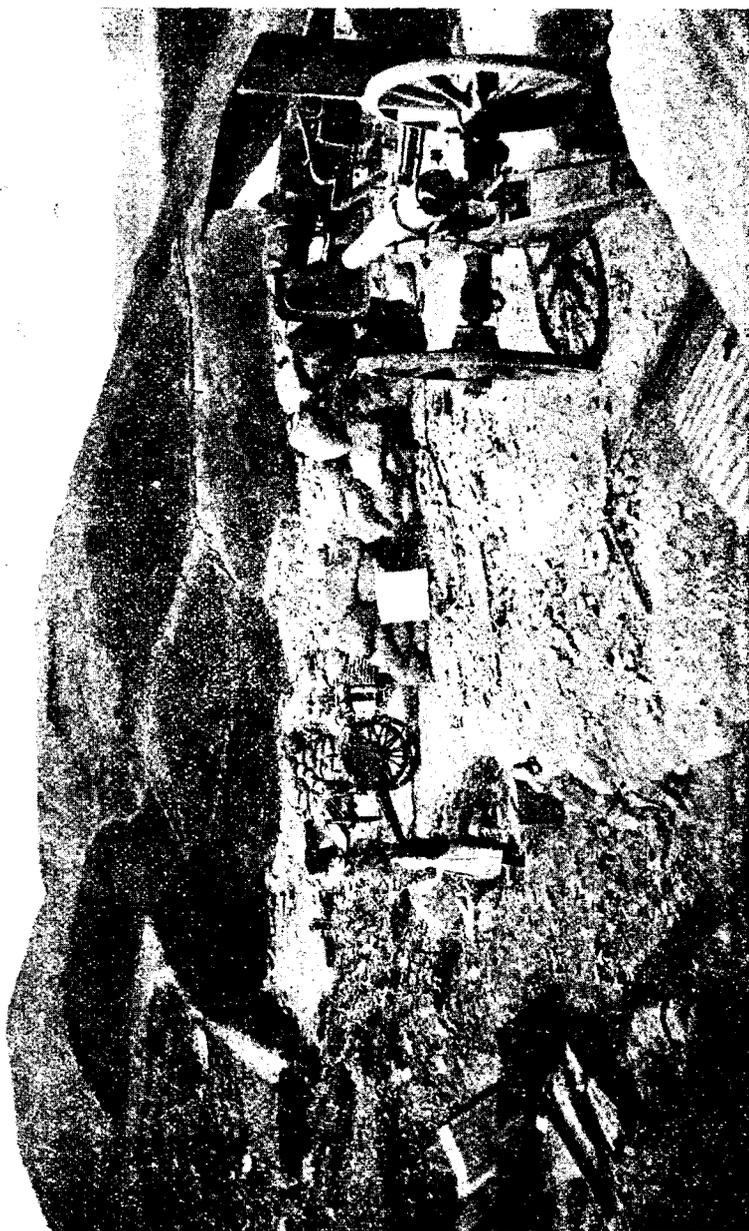
Въ то время, какъ мы, можно сказать, наслаждались покоемъ, въ центрѣ происходили сильныя дѣла. Время отъ времени мы по-

Куропаткинскій люнецъ. Выстрѣлъ и разрывъ непріятельской бомбы.

лучали оттуда радостныя свѣдѣнія объ отбитыхъ штурмахъ и страшныхъ потеряхъ японцевъ; но намъ было также извѣстно, что подступы непріятеля тамъ уже близко подошли къ фортамъ и что скоро начнется минная война.

Вечеромъ 26-го октября получаю записку отъ ген. Кондратенко, въ которой онъ приглашалъ меня осмотрѣть минныя работы

На Куропатинскомъ люнетѣ.

на фортѣ № 2, гдѣ уже послышалась работа непріятеля. Нужно было опредѣлить разстояніе до этой работы.

Вечеромъ въ этотъ же день я поѣхалъ къ начальнику инженеро-въ полковнику Григоренко, чтобы съ нимъ ѣхать на фортъ № 2. Приѣхалъ къ нему благополучно. Напившись чаю въ довольно большомъ обществѣ и въ домашней обстановкѣ, вносившей въ душу совершенное успокоеніе, мы въ экипажахъ отправились на позицію.

Съ нами поѣхали: ген. Никитинъ, полковникъ Рейсъ и еще нѣсколько офицеровъ изъ штаба. Изъ города выѣхали черезъ сѣверную заставу, гдѣ насъ часовой-доброволецъ не хотѣлъ пропустить, потому, какъ онъ объяснилъ, что не получилъ на то приказа.

Дорога шла мрачными ущельями по незнакомой мнѣ дорогѣ. Черезъ полчаса приѣхали въ штабъ ген. Надѣина. Это былъ баракъ изъ двухъ комнатъ, обложенный со всѣхъ сторонъ и сверху нѣсколькими рядами земляныхъ мѣшковъ.

Генераль Надѣинъ очень долго строилъ эту землянку и употребилъ на нее тысячи мѣшковъ. Внутри было свѣтло и уютно. Землянка эта стояла за крутой скалой, плотно къ ней прижавшись. По дорогѣ пули свистѣли довольно часто, но сама землянка была въ совершенно безопасномъ мѣстѣ.

Отъ штаба во всѣ стороны расходились телефонные провода на нашихъ казенныхъ шестахъ.

Изъ этого штаба на позицію съ нами поѣхали ген. Кондратенко и полковникъ Ирманъ. На передовыя линіи мы пошли уже пѣшкомъ.

Неумолкаемая дробь ружейной палыбы трещала со всѣхъ сторонъ, а была уже темная ночь. Шли мы по узкимъ ходамъ сообщенія, иногда выходили въ какіе-то глубокіе овраги и изъ нихъ попадали въ боевыя траншеи, въ которыхъ на банкетахъ стояли молчаливые ряды стрѣлковъ, въ вывороченныхъ наизнанку папахъ (вывороченная папаха похожа на камень, поэтому и на моемъ участкѣ стрѣлки также всегда выворачивали папахи). Изрѣдка нѣкоторые изъ нихъ прицѣливались въ ночную темноту и дѣлали выстрѣлъ.

Въ моментъ моего прохода мимо одного изъ стрѣлковъ онъ прямо оглушилъ меня выстрѣломъ. «Да въ кого-же ты выпалилъ», спросилъ я стрѣлявшаго. «А въ его окопъ». — «Чего же ты стрѣляешь въ окопъ». — «Да онъ тамъ шевелится». Я выглянулъ за брустверь, неприятельская траншея была тутъ дѣйствительно очень близко, но никакого шевеленія я, непривычнымъ глазомъ, замѣтить не могъ.

Долго мы шли такимъ образомъ, то пригибаясь чуть не до земли, то выпрямляясь во весь ростъ. Особенно было плохо полковнику

На Куропатинскомъ лонетѣ.

Рейсу. Ему все время приходилось идти согнувшись, такъ какъ его голова при обыкновенномъ способѣ ходьбы была выше всей профили траншеи, по крайней мѣрѣ, на футъ.

Послѣ продолжительнаго путешествія мы, наконецъ, остановились. «Что такое тамъ», спрашиваемъ переднихъ. «А тутъ по одному нужно пробѣгать по открытому мѣсту». За другими перебѣжалъ и я. Здѣсь уже шла частая ружейная стрѣльба, думаю, для того, чтобы пугать японцевъ, потому что убить человѣка въ траншеѣ и днемъ мудрено, а въ темнотѣ и тѣмъ паче.

Однако, стрѣльбѣ здѣсь акомпанировали довольно частые и очень сильные пушечные выстрѣлы. Сдѣлавши еще одинъ поворотъ, мы увидали чудное зрѣлище, объяснившее намъ причину слышанныхъ нами пушечныхъ выстрѣловъ. Это были не выстрѣлы, а взрывы ручныхъ японскихъ бомбъ, бросаемыхъ въ фортъ № 2. Подумалъ о пріятной перспективѣ получить такую бомбу въ голову.

А картина была, дѣйствительно, чарующая. Изъ-за бруствера форта № 2 (мы были у его горжи) взлетали высоко въ воздухъ отдѣльно и цѣлыми снопами какіе-то мохнатые и яркіе огни и, падая въ фортъ, съ пушечнымъ грохотомъ разрывались...

Минуть пять мы любовались этимъ чуднымъ фейерверкомъ. Бывшій впереди офицеръ объяснилъ, что это пироксилиновыя и мелипитовыя шашки, къ которымъ привязана вата, намоченная керосиномъ; вату зажигаютъ и при помощи метательной машинки шашку бросаютъ въ фортъ. Когда фитиль (вѣроятно, бикфордовъ шнуръ) догоритъ до запала, шашка взрывается.

Такимъ способомъ японцы хотѣли зажечь земляные мѣшки, доски и бревна, кучами валявшіяся на дворѣ форта.

Такъ какъ не было извѣстно, когда этотъ фейерверкъ кончится, то мы двинулись черезъ дворъ форта въ блиндажъ и сдѣлали это опасное путешествіе благополучно. Благодаря свѣту нѣсколькихъ жалкихъ фонарей и яркому пламени всюду горящей ваты, я успѣлъ замѣтить, что фортъ былъ совершенно разрушенъ; бруствера и траверсы представляли кучи битаго щебня; всюду были обломки досокъ и бревно отъ разрушенныхъ блиндажей и масса глубокихъ и широкихъ ямъ отъ взрыва 11 д. бомбъ.

Я замѣтилъ на брустверѣ, за земляными мѣшками, нѣсколько стрѣлковъ—это часовые. Замѣтилъ также и строящійся ретраншаментъ противъ головного угла форта.

Юркнувши за другими съ должной быстротой подъ сводъ каменнаго блиндажа, я почувствовалъ, что за секунду передъ тѣмъ довольно сильно безпокоился за цѣлость моей фізіономіи (передъ этимъ видѣлъ стрѣлка съ обожженнымъ лицомъ и руками). Широкій сводчатый казематъ, въ который мы вошли, былъ сплошь за -

нять спокойно сидящими стрѣлками. Мы прошли мимо и повернули налѣво; дальше прошли черезъ нѣсколько дверей и очутились въ ярко освѣщенномъ казематѣ начальника гарнизона форта. Здѣсь мы нѣсколько отдохнули. Полковникъ Григоренко доложилъ положеніе дѣлъ, и намъ стало ясно, что непріятельскіе минеры, ведущіе боевые рукава по двумъ направленьямъ, подошли уже очень близко къ стѣнѣ полукапонировъ, расположенныхъ въ головномъ углу форта. Мы вышли противъ непріятеля двумя рукавами и готовы ихъ встрѣтить камуфлетами. Теперь нужно было только опредѣлить разстояніе до минера и рассчитать зарядъ. Опытныхъ минеровъ изъ солдатъ и офицеровъ было мало; саперная рота была недавно сформирована; командиръ былъ старый понтонеръ; офицеры всѣ молодые. Капитанъ Линдеръ, старшій офицеръ, минами никогда не завѣлывалъ, и остались знающіе это дѣло только начальникъ инженеровъ полковникъ Григоренко и подполковникъ Рашевскій. Первый былъ моимъ товарищемъ по 6-му баталіону и зналъ, что я нѣсколько лѣтъ очень удачно завѣдывалъ обороной и атакой въ минной войнѣ на Кіевскомъ саперномъ полѣ; поэтому и пригласилъ меня въ эту трудную минуту на помощь. По словамъ офицера, завѣдывавшаго работами въ рукавахъ, непріятель былъ очень близко, и теперь осторожная работа слышится только временами.

Послѣ этого доклада мы всѣ пошли въ полукапонеры. Долго шли черезъ какіе-то темные казематы, спускались по довольно крутымъ потернамъ и, наконецъ, очутились у самаго мѣста минной работы. Приказали всѣмъ выйти изъ рукавовъ и полѣзли слушать. Помню, со мной спустились полковникъ Григоренко и подполковникъ Рашевскій. Начали слушать, но шевеленіе и дыханіе наше сильно мѣшали прислушиванію, поэтому два мои товарища вышли, и я остался одинъ. Приложивши кулакъ къ стѣнѣ, ближайшей къ непріятелю, а къ кулаку ухо, я затаилъ дыханіе и весь превратился въ слухъ. Тишина была полная.

Признаюсь, когда мои товарищи вылѣзли изъ рукава, круто винтомъ спущеннаго къ сторонѣ непріятеля, мнѣ стало жутко.

Не зарядилъ-ли непріятель камеру и не готовится ли теперь взорвать ее!... Интересно, во что я тогда буду превращень.

Мое разстроенное воображеніе представляло непріятныя картины, а со стороны непріятеля ни звука. Это сильно подтверждало правильность моего предположенія.

Долго и напряженно я слушалъ, нѣсколько разъ перемѣнялъ позы, т. к. отъ неестественнаго положенія у меня затекали ноги. Слушаю... нигдѣ ни звука... Вдругъ... стукъ, очень осторожно... еще... стукъ, стукъ, я весь превратился въ слухъ и соображеніе, гдѣ и какъ далеко работаетъ непріятельскій минеръ. Грунтъ былъ довольно рыхлая скала; но звукъ она, благодаря твердымъ прослойкамъ, должна была передавать хорошо. Очень осторожная работа киркой все продолжалась, и я успѣлъ выслушать ее со всѣхъ стѣнъ рукава. Какъ теперь помню (такія минуты не забываются), непріятельскій минеръ былъ слышенъ противъ лѣваго угла рукава, нѣсколько выше его. Разстояніе до работы было ближе сажени, по дальше аршина.

Минеръ осторожно ударялъ киркой, по неосторожно отгребалъ осколки и землю.

Скала очень явственно передавала это отгребаніе, а минеръ, вѣроятно, думалъ, что это отгребаніе непріятель и не слышитъ.

Когда мнѣ картина взаимнаго положенія атакующаго и обороняющагося стала ясной, я вылѣзъ изъ рукава и доложилъ результатъ моихъ наблюденій. Минеры и начальникъ инженеровъ со мной согласились и рѣшили заряжать камуфлетъ. Объ этомъ было доложено коменданту, который самъ слушалъ работу непріятельскаго минера и, впослѣдствіи, самъ произвелъ взрывъ камуфлета, которымъ непріятельскія работы были уничтожены, и газы прорвались въ галерею атакующаго, выбросивъ изъ колодца доски, инструментъ и людей.

Но японцы, открывши часть свода капонира, совершенно не закрытаго землей, разрушили его пироксилиномъ и завладѣли частью внутренняго пространства. Съ этого момента начинается борьба за это внутреннее пространство, продолжавшаяся очень долго. Но пусть ее опишетъ кто-либо изъ очевидцевъ, а я о ней знаю по слухамъ, распространявшимся въ гарнизонѣ, и совершенно достовѣрнаго сообщить читателямъ не могу ничего, кромѣ того, что лично видѣлъ при посѣщеніяхъ форта, уже послѣ разрушенія свода галлерей японцами.

Не помню, по какому поводу я тогда приходилъ въ фортъ, кажется, просто изъ любопытства. Тогда сводъ большого блиндажа внутри форта былъ уже пробитъ 11" снарядомъ, и я видѣлъ картину разрушенія, имъ произведеннаго. Видѣлъ и деревянную стѣну, отдѣлявшую разрушенную часть каземата отъ неповрежденной и обитаемой, ту стѣну, которою были убиты генер. Кондратенко и восемь лучшихъ офицеровъ сектора ген. Горбатовскаго.

Когда я взошелъ въ полуканонирь, онъ былъ наполненъ пороховыми газами; но дышать было можно. У стѣпы изъ мѣшковъ, отгораживавшей занятое непріателемъ пространство отъ нашего, стояло два стрѣлка и неустанно стрѣляли черезъ амбразуры въ темное пространство непріательской части капонира. Около нихъ была гора выстрѣленныхъ гильзъ, доходящая до ихъ поясовъ.

Въ моемъ отдѣлѣ непріатель работалъ надъ сапами, а мы стрѣляли въ головы сапъ, бросали въ нихъ бомбы и производили частыя вылазки, въ большинствѣ очень удачныя. Множество людей въ этихъ вылазкахъ заслужили Георгіевскіе кресты и были къ нимъ представлены. Но ген. Фокъ не вѣрилъ въ геройскіе подвиги 5-го полка и задерживалъ наградные листы, приказывая ихъ сокращать и писать общіе, а при сдачѣ крѣпости, вѣроятно, они всѣ пропали, и много достойныхъ людей осталось безъ наградъ.

Пользуясь спокойствіемъ, мы стали себѣ позволять нѣкоторыя развлечения, т. е. поѣздки въ городъ и на другія части нашей оборонительной линіи. Въ городъ, впрочемъ, ѣздить было не особенно пріятно, т. к. онъ сильно обстрѣливался, и одинъ разъ у меня чуть было не убило лошадей (бомба разорвалась передъ ихъ мордами).

Обыкновенно я ѣздилъ къ полк. Григоренко, но бывалъ и у коменданта, и у ген. Стесселя, хотя очень рѣдко.

У нихъ всегда можно было узнать новости и выпить стаканъ чаю въ домашней обстановкѣ.

Интересно было ѣздить на Золотую гору; ночью тамъ всегда палили по непріательскимъ миноноскамъ и ожидали атакъ брандерами.

Чтобы не прозѣвать непріателя, прожекторы всю ночь освѣщали море и, если въ лучъ одного изъ нихъ попадалось непріательское судно, ему приходилось очень плохо. Всѣ береговыя батареи открывали по злосчастному страшный огонь, около него море закипало и покрывалось столбами воды, поднимавшимися отъ попадающихъ снарядовъ. Въ городѣ отъ выстрѣловъ слышалъ я настоящій громъ, а т. к. канонада всегда почти происходила ночью, то огонь выстрѣловъ производилъ впечатлѣніе молніи. Въ общемъ наблюдатель слышалъ страшные, не прекращающіеся раскаты настоящего грома и видѣлъ безпрестанный блескъ молніи. Это было, казалось, не дѣло воли и рукъ человѣческихъ, а грандіозное явленіе природы. Но такое развлечение намъ стоило очень многихъ со-

тень драгоценныхъ снарядовъ, пополнить которые у насъ не было возможности. Да и вообще всякія пополненія у насъ дѣлались очень туго.

Японцы зорко слѣдили за моремъ, и даже китайскія шаланды проскальзывали въ крѣпость очень рѣдко. Но вообразите нашъ восторгъ и удивленіе, когда въ Голубиную бухту пришелъ пароходъ. Всѣ заговорили о прибывшихъ снарядахъ и пулеметахъ.

Намъ сообщили, что пароходъ прибылъ съ какими то припасами и что для меня отъ жены изъ Тяньзиня получилась также большая посылка съѣстныхъ припасовъ, но какихъ и сколько капитанъ Достоваловъ (нашъ интендантъ) сообщить не могъ. Все привезенное полностью попало въ интендантство. Прошло уже нѣсколько дней съ прибытія парохода, но о посылкѣ ни слуху ни духу.

Ѣду въ интендантство къ капитану Достовалову и прошу выдать мнѣ мою посылку. «Да, для васъ есть посылка», сообщаетъ мнѣ капитанъ, «но мы не можемъ разобрать до сихъ поръ, что для васъ прислано; хотите, для того, чтобы покончить всѣ счета, пять вестфальскихъ окороковъ»... Я не ожидалъ такого благополучія и, что называется, зубами ухватился за предложеніе добраго интенданта. «Пожалуйста, давайте, я буду совершенно доволенъ и счастливъ».

Получаю пять окороковъ и съ торжествомъ возвращаюсь домой.

Офицеры окорокамъ были болѣе рады, чѣмъ я, и мы съ наслажденіемъ ихъ уничтожали, восхваляя доброту и любезность капитана Достовалова, который вмѣсто ничтожной посылки далъ мнѣ пять окороковъ, да еще прибавилъ: «жаль, что вы пріѣхали поздно, а то я далъ бы вамъ больше, но теперь не могу, оставилъ только для начальства».

Впослѣдствіи оказалось, что жена прислала мнѣ 12 окороковъ, много консервовъ, колбасъ, кофе и т. п.; однимъ словомъ всего на 300 рублей. Остатокъ отъ пяти окороковъ оказался порядочный, и весь онъ, значить, былъ уничтоженъ начальствомъ.

Мы ужасно объ этомъ жалѣли, и нѣкоторые даже надолго потеряли хорошее расположеніе духа. Ужъ и досталось же капитану Достовалову. Гораздо больше, чѣмъ нашему Чифусскому консулу Тидеману за то, что не присылалъ намъ въ Портъ-Артуръ никакихъ газетъ.

Ж. Третьяковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).